

РАЗДЕЛ IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

А. В. Петров¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

А. Молнар²

*Дебреценский университет
manja@t-online.hu*

ОДИЧЕСКАЯ ТОПИКА И ТЕМА «НОВОГО СЧАСТЬЯ» В ОДЕ М. В. ЛОМОНОСОВА «НА НОВЫЙ 1762 ГОД»³

В статье анализируется топика оды М. В. Ломоносова «на восшествие на престол императора Петра Феодоровича и на новый 1762 год». Указывается, что случайное совпадение во времени события общегосударственной значимости – смены власти в конце 1761 г. – и события, принадлежащего к сфере природно-бытийной, – смены лет, во-первых, дало развитию русской торжественной оды новый импульс; во-вторых, послужило дальнейшему развитию общеодической мифологии и «личной мифологии» Петра III; и это, в-третьих, позволяло транслировать создаваемые «мифы» в общественное сознание. Соединение в оде двух тем актуализировало древнейший миф об умирающем и воскресающем боге. Из новогодней поэзии, которая в России к тому времени существовала около 50 лет, в жанр оды пришел топос «нового счастья». На языке одических мифополитических иносказаний это означало, что счастье, приносимое Временем, «распределяет» в социуме Монарх. Тема новолетия влекла за собой и привычный для эонической поэзии мотив «подведения итогов

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Молнар Ангелика, хабилитированный доктор филологии (Dr. Habil), доцент Института славистики Дебреценского университета, г. Дебрецен, Венгрия.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

ушедшего года». В оде он объединился с привычным уже для этого жанра топосом «исторической преемственности»: царствование правящего монарха представляется как результат славной и мудрой политики предшествующих монархов – Рюриковичей, но особенно Романовых, которым покровительствует Бог. В торжественных одах 1740-х гг. Ломоносовым были выработаны формы изображения лагопожелания органично вобрала в себя соответствующие мотивы, в свою очередь составляющие «программу действий» для нового монарха. Успешной ассимиляции в оде подвергся и такой эонический топос, как «новогодняя молитва». Она включила в себя общеодические топосы «Божественного покровительства династии Романовых» и «праведной, богоизбранной самодержавной власти».

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, тема счастья, жанр торжественной оды, одические топосы, новогодняя (эоническая) поэзия, мифопоэтика, мифополитика

«Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинных радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов» (25–28 декабря 1761 г.) имела, как считали советские, а вслед за ними и некоторые современные исследователи, исключительный успех у читающей публики. С. Н. Чернов (1935 г.) [18], комментаторы VIII тома Полного собрания сочинений Ломоносова Т. А. Красоткина и Г. П. Блок (1959 г.) и положившаяся на их мнение М. Кутузова (2013 г.) [19, 127] причины этого успеха видят в идейном содержании оды, предлагавшей «правительству целую программу внешней и внутренней политики» [4, 1159].

Анализируя «социально-политическую идеологию» Ломоносова [18, 135], советские ученые с блеском продемонстрировали возможности социологического метода и... исчерпали их. В каждом художественном образе или метафорическом обороте они обнаруживали либо программные высказывания поэта, который «требует», «предупреждает», «заявляет» и т. п.; либо аллюзии на какой-либо факт политической жизни России и Европы. Специфика одической образности при этом подходе (кстати, до сих пор не изжитом в науке)

крайне упрощается, и жанр оды в итоге низводится до рифмованной газетной статьи или переложения манифеста о восшествии на престол. Нерешенным наши предшественники оставили и вопрос о таком значимом элементе одической поэтики и идеологии, как комплиментирование, ограничившись расплывчатой ремаркой о разных «оттенках», которые имела «официальная, вынужденная лесть» [4, 1159].

Американский славист Мария Кутузова в недавней своей диссертации предлагает рассматривать интронизационно-новогоднюю оду Ломоносова, а также все другие оды «на восшествие» императора Петра III, написанные русскими поэтами в 1762 г., как часть его (Петра III) «личной мифологии» («personal mythology»). Исследовательница отмечает исключительное значение од конца 1761 – начала 1762 года в «ландшафте русского одического жанра вообще» и констатирует «радикальную трансформацию» такого его подвида, как ода «на восшествие», в частности [19, 122–126]. Что касается ломоносовской оды, то «личная мифология» Петра Федоровича, т. е. образные и нарративные репрезентации его личности [19, 15–16], предстаёт, по мнению М. Кутузовой, в форме пяти топосов: солярной метафоры; образа/сюжета «Самсон – победитель льва»; образа/сюжета «Геракл/Геркулес – победитель Лернейской гидры»; образа/сюжета «Давид – победитель Голиафа»; уподобления Петра III царю Соломону [19, 128–143]. Посредством этих топосов поэт прежде всего решал «задачу поэтической маскулинизации одической мифологии правящего монарха» [19, 124]. Далее учёный утверждает, что личную мифологию Петра III в оде 1761 года Ломоносов моделировал, непосредственно опираясь на «риторические тактики и стратегии» Феофана Прокоповича. При этом «их применение по отношению к Петру Федоровичу, – считает американский славист, – оказывается совершенно не подкреплено никакими объективными внешними обстоятельствами, а основывается исключительно на произвольном желании Ломоносова видеть в новом российском монархе реинкарнацию его великого деда» [19, 142–143].

Здесь следует заметить, что «произвольное желание Ломоносова» было обычным панегирическим топосом, возникшим, судя по всему, в годы правления первого внука Петра I – императора Петра II (см. [6, 62–65]). Институализирован же он был Елизаветой Петровной 7 ноября 1742 г. при объявлении принца Карла Петера Ульриха наследником престола с титулом Императорского Высочества и 12 ноября – опубликованием указа о принятии им «греческого исповедания» (православия) [12, 712–713]. 29 ноября 1742 г. была

напечатана специальная «форма, по которой во всех церковных священнослужениях на ектениях и прочих, где надлежит молениях, возносить имена Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Наследника». Обязательной частью вознесения была формула «внук Петра Перваго» [12, 726]. В именных указах, а также в одах 1741–1742 гг. был выработан и ряд других «формул власти», вошедших в одическую «мифологию власти» и сохранившихся там вплоть до од «на восшествие на престол» императора Николая I (см. [1; 2; 8]).

Мимо ставшего одическим топоса «внук Петра Перваго»¹ американская исследовательница прошла, в частности, и потому, что по непонятным причинам проигнорировала в своей диссертации эпиталамические оды 1745 г. – «на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны», не включив их в «личную мифологию» Петра III. Без од Ломоносова и Голенева (о них см.: [6, 101–109; 7]) реконструируемый «личный миф» монарха оказывается искаженным, во-первых, и, во-вторых, не учитывающим «общие» «имперские мифы», на которых по преимуществу и строилась одическая мифопоэтика и мифополитика (см.: [2; 8; 11; 17]).

В данной статье мы остановимся именно на общеодических топосах в оде Ломоносова 1761 года.

К рубежу 1740–1750-х гг. в одическом жанре (представленном в основном одами самого Ломоносова) наметилось противоречие между историзирующей и мифологизирующей тенденциями: *миф о «золотом веке»* неизменно локализуется поэтом в конкретном месте и времени – в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Важнейшим проявлением данного противоречия в сфере поэтики было то, что все *реальные* факты политической, экономической, научной, придворной и прочих сфер жизни России должно было описывать *условным* поэтическим языком, с помощью инертной, с трудом изменяющейся одической топики. Именно поэтому, например, чрезвычайно трудно отличить «восторг правдивый» в ломоносовских одах второй половины 1740-х гг. от более официального изъяснения верноподданнических чувств в одах 1760-х гг.: ведь во всех случаях основная форма выражения политических эмоций была одна – топос *восторга*. В оде Петру III это противоречие подошло, пожалуй, к некой критической точке, и не в последнюю очередь благодаря исключительности сложившейся ситуации.

---

¹ Поотношению к Екатерине II, которая Романовой стала лишь по мужу, в оде «на новый 1764 год» Ломоносов, ничтоже сумняшеся, использовал даже оборот «Петрова Внука» [11, 166].

Как это нередко бывает, случайное стечение обстоятельств, не имеющих прямого отношения к искусству, становится толчком к разрешению назревших в нем потребностей. Неожиданно совпали два события, одинаково значимые, но до того относившиеся к различным бытийным сферам:

1) неожиданная для большинства наблюдателей смерть императрицы Елизаветы Петровны, последовавшая 25 декабря 1761 г., и восшествие на престол Петра III;

2) вполне ожидаемые уход старого года и наступление нового.

Leroiestmort, vivele roi! – символичность происшедшего более чем очевидна и на этом, символическом, уровне поддерживается такой важной составляющей семантики мифа об умирающем и воскресающем боге, как «регулярное обновление царской власти». На стыке «старого» и «нового» времен (сезонов) божество производительных сил природы (иногда бог солнца) должно было умереть, чтобы затем возродиться в прежнем статусе [5, II, 547–548]. В одной точке пересеклись два «измерения» времени: государственно-праздничное (историческое) и природно-календарное (эмпирическое). Воцарение Петра III Федоровича получало дополнительную санкцию «свыше», совпав с природными циклами. До этого момента дата восшествия Елизаветы Петровны на престол – 25 ноября – была центральной в ряду государственных праздничных («царских») дней. Утверждению этого события в политическом сознании россиян и служила торжественная ода. Теперь же появлялась возможность «эмансипации» праздника Нового года и расширения одой своего художественного содержания: исследования неких, связанных со сменой правлений/времен феноменов. Календарная случайность *заставила* Ломоносова включить в торжественную оду «на день восшествия» *тему новолетия* с привязанными к ней (например, указами того же Петра I) *новогодними благопожеланиями*, преобразованными в одическом жанре в топоним «*нового счастья*».

Декабрьская ода 1761 года стала первой русской торжественной одой, связавшей политическое событие государственного масштаба с праздником Нового года. Иначе говоря, произошло официальное узаконение новой одической темы, имевшей, правда, уже 60-летнюю историю в русской культуре и некоторые устоявшиеся формы своего выражения (см. [9]). Многие из них были выработаны самим Ломоносовым как автором надписей на новогодние иллюминации (см. [9, 74–100; 13]). Уже в следующем, 1763 году, поздравительные оды «на Новый год» создадут А. П. Сумароков, И. Ф. Богданович и В. И. Майков, еще через год – и сам Ломоносов («Ода императрице

Екатерине Алексеевне в новый 1764 год»; о ней см. [11]). Таким образом, 1763 годом надлежит датировать момент выделения из торжественной оды особой жанрово-тематической ее разновидности – оды «на Новый год».

Тему новолетия Ломоносов попытался ввести в жанр оды ещё тогда, когда ознакомился с проектом новогодней иллюминации Я. Я. Штелина и перевел первую для себя новогоднюю надпись, – осенью 1748 года.

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год [4, 215]¹, –

напомним великолепное начало этой оды, не раз служившее объектом подражаний и пародий. На первый взгляд, метафора «державы новый год» вполне прозрачна и означает не календарный год, а очередную годовщину праздника восшествия на престол. Однако вместе с мотивом новолетия она усваивает и символику «нового счастья»².

На тот момент «дискурс счастья» (см. [14]) лишь недавно зародился в русской поэзии – в стихах А. Д. Кантемира и самого Ломоносова в 1738 году (см. [1; 17]). С этого времени русские одические поэты до царствования Александра I будут воспевать золотой век, блаженство и счастье россов под управлением династии Романовых [10, 38–39]. Фактически тоpos «золотого века» оказывается одической версией общепросветительской идеи «общественного договора» (см. [2]).

По-настоящему же Ломоносов воспользуется найденными им в 1748 г. метафорой *державы новый год*, тоposом «нового счастья» и мотивом *победы света над тьмой* только в интересующей нас оде 1761 года. В иллюминационных надписях 1740–1750-х гг. художественное и метафизическое отождествление Монарха со Временем стало свершившимся фактом (см. [9, 74–100]). Его концептуализацией и стал тоpos «нового счастья»: приносит счастье Новый год, но «распределяет» – Самодержец.

Логичным художественным развитием этой мифологемы стало обращение Ломоносова в оде 1761 г. к солярной символике. Сам тоpos «монарх – солнце» активно использовался уже Симеоном Полоцким; на «риторическом развертывании образа солнца» [16, 112] строился

¹ В дальнейшем произведения Ломоносова цитируются по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках. Курсивы в цитатах принадлежат мне. – А. П.

² Впервые *новое счастье* как панегирическое «общее место» появляется, видимо, в «Песни на Новый 1732 год» В.К. Третьяковского.

А. В. Петров, А. Молнар

Ломоносовым сюжет оды 1752 года. Путем многократного наложения аллегорических смыслов и символического переосмысления событий декабря 1761 г. поэт создает следующие образные ряды: «смерть – затмение», «вновь засиявшее солнце – чудесное “рождение” нового монарха», «восход солнца – наступление нового года», «новый год – восшествие на престол Петра III», «“возвращение” Петра Великого – возобновление счастья (благополучия, радости)». Явлены они в 1-й и 21-й строфах:

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных тучь.
Прошло затмение ужасно;
Умножь, умножь отрады лучьetc. (751).

<...>

Так Ты, о наших дней Венец,
Во внутренних грудях сияеш
И светлый лик изображает
В спокойной радости сердец etc. (759).

Эмансипация темы новолетия оказала решающее воздействие на архитектуру оды 1761 г. Эта тема с необходимостью включала в себя (начиная с фейерверков петровской эпохи) мотив *подведения (политических) итогов ушедшего года*. В ситуации, с которой столкнулся Ломоносов, должно было подводить *итоги всего царствования* – задача для русских поэтов непривычная, самим же Ломоносовым опробованная совсем недавно, в юбилейной (ноября 1761 г.) оде Елизавете Петровне. С точки зрения формальной поэт выбрал оптимальный вариант решения: используя многофункциональный прием заимствования¹, он вложил итоговые «ретроспективные формулы» в уста персонажей с безусловным художественным и абсолютным властным авторитетом: Петра I и Елизаветы Петровны. Первая половина декабрьской оды 1761 г. (строфы 1–13), где содержатся их монологи, посвящена в основном изображению прошлого России. Во второй части (строфы 14–25) описывается ближайшее будущее страны, а также предлагается долгосрочная программа её развития.

По-видимому, Ломоносов захотел отобразить разные временные модусы – *прошлое и будущее* – различными художественными средствами. Попытка эта в целом не удалась, поскольку в принципе была чужда нормативному искусству. Формы изображения *будущего* были выработаны Ломоносовым в одах 1740-х гг., являлись

---

¹Соединение метафоры с персонификацией.

вершинными достижениями его как одического поэта и сводились по преимуществу к воссозданию картин «золотого века». Сам же миф о «златых временах», наступивших в России в царствование Елизаветы Петровны, складывается из целого ряда одических «общих мест», органически отвечающих установкам нормативного художественного мышления на воспроизведение должного, а не реально существующего.

После парафрастической (духовидческой по сути) формулы «Оставив высоту прекрасну, / Я небо вижу на земли» (756), открывающей 14-ю строфу, следуют топосы, с помощью которых описывается этот земной рай:

- протяжение России (14-я строфа);
- богатства, приносимые речным судоходством;
- покорные самодержавной власти реки (15-я строфа);
- экспансия России на Восток¹ (16-я строфа);
- военная победа и установление мира (17–19-я строфы).

В 20-й строфе происходит экспликация мотива «златого века», который искусно вплетается в число новогодних пожеланий. Одописец утверждает, что Петр III все время будет «провождать» в полезных россиянам «трудах»

И каждой день златаго веку,
Коль долго можно человеку,
Благодеяньями венчать (758).

Новогодние благопожелания органично вписываются в «программу действий» для нового монарха, при этом роль связующего звена выполняют комплиментарные формулы – требуемые жанром условности одического языка, виртуозно подчиненные Ломоносовым данной конкретной теме.

Утопические – теперь уже новогодние, «на будущее» – ожидания поэта прямо выражены в 24-й строфе. Начало новой политической эпохи совпадает с приходом «весны златой» (напомню: в декабре!) и знаменуется торжеством животворящих сил Природы:

Спеши, спеши, весна златая,
Умножь отраду теплотой
И, новы веки начиная,
Стихии здравием напой;
Вели благоухать Зефиру;

---

¹ Благодаря совмещению различных точек зрения, понятие «Восток» обретает в оде особый геополитический смысл, который позднее концептуализируется в представлении о *Евразии*. С позиций завоевательно-цивилизующих устремлений российского самодержавного государства, *Восток* – это «Хины, Инды и Япононь». С точки зрения «изумленной» Европы, *Восток* – это Россия, где решается участь и Запада, и Востока.

А. В. Петров, А. Молнар

С Петром поля одень в Порфиру
И всем приятностям твоим
Подобную Екатерину,
Надежды наша причина,

Снабди, снабди Плодом драгим (759–760).

Завершает оду традиционная для новогодней поэзии и вполне уместная для оды «на день восшествия» «молитва», обращенная к Зиждителю «небес и всех веков»:

Небес и все веков Зиждитель,
Источник всякого добра,
Царей и Царств земных Правитель,
Ты оправдал владеть Петра
Подсолнечной великой частью;
Утешь Его народы властью,
Преславный век Ему подай,
Супруге, Ветви вожденной,
И больше, как во всей вселенной,
В Петрове доме обитай (760).

Общеодические топосы «Божественного покровительства династии Романовых» и «праведной, богоизбранной самодержавной власти» находят здесь отточенное словесное выражение.

Для изображения *прошлого* одический жанр располагал топосом «*исторической преемственности*», едва ли не все возможности которого были использованы Ломоносовым всего лишь месяц назад, в ноябрьской оде 1761 года. Этот топос сигнализировал о появлении в оде батальной темы и обычно представлял из себя ретроспективные экскурсы, посвященные победам русского оружия. Такие функции он выполняет в ломоносовских одах 1739 г., 1741 г. («на рождение Иоанна III»), 1752 г., 1754 г. Мотив *подведения итогов*, к которому иногда обращался Ломоносов, не имел в одах собственно исторического значения и как топос не закрепился. Зачастую он принимал форму комплиментарного сравнения Елизаветы и/или её отца (их деяний: военной победы, «призвания» наук и пр.) с античными или библейскими персонажами.

Юбилейная ноябрьская ода Елизавете Петровне 1761 года – первая у Ломоносова (и во всей русской поэзии) ода, целиком посвященная теме исторического прошлого. На принципы её построения, несомненно, оказали влияние историографические опыты Ломоносова, завершившиеся изданием в 1758 г. «Древней Российской истории». Можно даже говорить об *историческом нарративе* в рамках лирического жанра; так, композиционно в оде четко выделяются:

- рассказ об исторических судьбах России после смерти Петра I и до восшествия на престол его дочери (строфы 3–11);

- повествование об исторических «предтечах» Елизаветы Петровны начиная со Святослава Игоревича (строфы 13–19). Её правление предстает как результат правильной внешней политики русских князей и царей с эпохи установления на Руси христианства; оно демонстрирует могущество («силу и державу») императорской России в настоящем;

- главной (по Ломоносову) заслугой Елизаветы объявляется установление мира в Европе и последовавший за ним расцвет наук (строфы 20–23).

Это та самая «одическая история», которую современный исследователь увидел в «Идеях для живописных картин из российской истории» (1764) Ломоносова, – «героически-праздничная», подчеркивающая «величие и торжество русского национального духа, мощь и несокрушимость Руси» [3, 82–83].

Декабрьская ода Петру III являет собой следующий этап в развитии «одического историзма»: *подведение исторических итогов* впервые становится здесь осознанной художественной установкой. В нее входит уже четко выраженное представление Ломоносова о связи эпох, их преемственности. Художественным опосредованием политической идеи становится ряд топосов. Они вполне традиционны:

- Бог покровительствует России;

- Орел парит над Европой;

- «россияне руками плещут»;

- «премудрая Елисавета» восходит на «Отческий престол» и утверждает «спокойство»;

- наследник престола продолжает дело Елизаветы и Петра и пр.

Новой является точка зрения, объединяющая эти формулы и топосы, – *историческая*. Естественным оказывается здесь обращение Ломоносова к линейной концепции времени: ретроспекции поэт последовательно совмещает с проспекциями, формально опираясь на прием заимословия, или «одическую фантастику», которой явно следует посвятить отдельную статью.

Так, монолог «отходящей в вечность» Елизаветы обращен к племяннику (строфы 4–5), т. е. движение идет как бы из прошлого в будущее. При этом бывшая уже императрица, точнее её дух, не забывает сделать «исторический экскурс», вспоминая о своей разлуке (в 1728 г.) с сестрой, Анной Петровной, и находившимся тогда ещё в её лоне («ложеснах») Петром Феодоровичем.

А. В. Петров, А. Молнар

Речь Петра I (строфы 8–12) обращена к дочери, вступающей на небесах в «преславных предков храм», т. е. из далекого прошлого в ближайшее прошлое, почти в настоящее. Устами Петра автор оды и подводит итоги прошедшего царствования:

«Россия по Тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон, –
Ты кровь Мою возобновила,
В наследство Внука утвердила
Тобою Он восшел на Трон.

Великодушия, щедроты
И мужества дала пример <...>

За истинную добродетель
Земля Тебе давала плод;
Всегда преклонен был Содетель,
В довольстве множил Твой народ» etc. (754).

Идея исторической преемственности, понятая как развитие наследниками Петра Великого его политики, является сквозной в этих пяти строфах. Художественно Ломоносов добивается этого за счет нагнетания формулы «*Он (Петр III) будет таким же, как Ты (Елизавета), и завершит начатое Тобой и Мной (Петром I)*»:

«Пределы Ты распространила, –
Его благословенна сила
Поставит, вечно утвердив»
<...>

«Ты награждала всем науки,
И Он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит.
Он постыдит, как Ты, злодеев» etc. (754–755).

Идея эта настолько важна для Ломоносова, что он идет на вполне реальный для своей карьеры риск, объявляя (от имени Петра I) главной заслугой Елизаветы (а значит, основным итогом царствования) удачный брак наследника престола. Удачен же этот брак потому, что от «общей любви» Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны

Цветет от Нашей Отрасль крови,
Дражайший Павел, Правнук Мой.
Продлит Господь Его Потомки,
Дела Их возвеличит громки,
Прославит брани и покой (755).

Смысл этой, 12-й строфы заключается не в комплиментах Елизавете или Екатерине, за которыми (комплиментами) поневоле теряется фигура нового императора, а в прославлении величия русской государственности и самодержавной власти как в прошлом, так и в будущем.

Современные исследователи И. М. Савельева и А. В. Полетаев пишут о том, что «вступление нового правителя на престол всегда рассматривалось как событие, придававшее последующей истории качественно новый характер, причем эту точку зрения разделяли не только сами властители, но и их подданные <...>» [15, 236]. У Ломоносова и в ноябрьской оде Елизавете (1761 г.), и в обеих одах императрице Екатерине II (1762 и 1763 г.) начало их царствований отчетливо противоплагается предшествующим правлениям (соответственно – Анны Иоанновны и Петра III). Однако объединение в оде Петру III двух тем – восшествия на престол и новолетия привело к акцентированию в ней *преemptивности* царствований и отодвинуло на второй план их *противопоставленность*. Поэтому выраженного представления об историческом рубеже, к которому подошла Россия, в оде нет, но, несомненно, есть осознание исчерпанности одной эпохи и начала новой. Взаимосвязь реальных фактов политической истории осмысливается *символически* – в категориях мифологического мышления. Миру *горнему* (образ которого создается в первой половине оды) противопоставляется мир *земной*; смерти – зиме – приход весны и торжество плодоносных сил Природы. Последние два мотива, рассмотренные сквозь призму титульной темы оды – смерти/возрождения, на архетипическом уровне связаны с семантикой мифа об умирающем и воскресающем боге. Отождествление российского монарха с божеством, а также мотив воплощения/возрождения прежнего правителя в новом (Петра I в Елизавете, а затем в Петре III) – мифологические в своей основе – являлись одическими топосами. Не останавливаясь подробно на решении поэтом темы смерти в оде, отметим, что, вопреки, например, мнению С. Н. Чернова [18, 136–137], Ломоносов уделил этой теме и составляющим её мотивам (посмертной славы, увекочевания памяти, соположения потустороннего и посюстороннего миров и др.) немалое место. Поэт сумел и выразить свою печаль, и почтить память императрицы; для этого ему пришлось совершить чудеса поэтической изобретательности, оставаясь в рамках одического этоса. Именно по пути, проложенному Ломоносовым, пойдет, оказавшись в подобной ситуации, Г. Р. Державин в оде «На новый 1797 год» (см. [9, 179–184]).

Литература

1. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 116–133.
2. Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Одиические версии «Общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2, р. 406–424.
3. Афанасьев Э. Л. На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в.–10-х гг. XIX в.). Москва: ИМЛИ РАН, 2002. 303 с.
4. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. 1281 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Москва: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997.
6. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 238 с.
7. Петров А. В. «Династический брак» как концепт в эпиталамических одах 1745 г. М. В. Ломоносова и И. К. Голенинского // *Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: междунар. сб. науч. статей*. Магнитогорск: МаГУ, 2011. Вып. III. С. 11–17.
8. Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 1. С. 152–161.
9. Петров А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века. Магнитогорск: МаГУ, 2005. 272 с.
10. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 37–48.
11. Петров А. В., Абрамзон Т. Е., Цуркан В. В. Анализ лирического сюжета на занятиях по теории и истории литературы в вузе (на материале оды М. В. Ломоносова «На новый 1764 год») // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 1. С. 161–179.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. 1740–1743. Б. м.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830. 990 с.
13. Пузанкова С. Н. Жанр надписи в творчестве М. В. Ломоносова: поэтика экфрасиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
14. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феноменасчатья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

15. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки русской культуры, 1997. 796 с.

16. Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. Москва: Наука, 1987. С. 103–125.

17. Самолдина С. Р. О государственном счастье в одах «А La Fortune» Ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). Филология. Искусствоведение. Вып. 90. С. 116–118.

18. Чернов С. И. М. В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век. Сб. статей и материалов. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. С. 133–180.

19. Kutuzov M. The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures. Edmonton, Alberta, 2013. 295 p.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. K voprosu o russkomschast'e (poeziya XVIII veka) [To the question of the Russian Happiness (Eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 116–133.

2. Abramzon T. E., Petrov A. V. Odicheskie versii «Obshchestvennogo dogovora» v Rossii XVIII v. [Odic Versions of the «Social Contract» in 18th-Century Russia] // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2, pp. 406–424.

3. Afanas'ev E. L. Na puti k XIX veku (Russkay literatura 70-h gg. XVIII v. – 10-h gg. XIX v.) [On the way to the 19th century (The Russian literature of the 70th of the 18th century – the 10th of the 19th century)]. Moscow: IMLI RAN, 2002. 303 p.

4. Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch. [Complete works]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959. T. VIII. 1281 p.

5. Mify narodov mira [Myths of people of the world]. Enciklopediya: v 2-h t. M.: NI «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya», 1997.

6. Petrov A. V. Brachno-svadebnaya poeziya v russkoj literaturnoj kul'ture XVIII – nachala XIX vekov [Marriage and wedding poetry in the Russian literary culture of XVIII – the beginnings of the 19th centuries]: Monografiya. Magnitogorsk: MaGU, 2013. 238 p.

7. Petrov A. V. «Dinasticheskij brak» kak koncept v epitalamicheskikh odah 1745 g. M. V. Lomonosovai I. K. Golenevskogo [«Dynastic marriage» as concept in the epithalamic odes of 1745

of M. V. Lomonosov and I. K. Golenevsky] // *Hudozhestvennaya konceptosfera v proizvedeniyah russkikh pisatelej* [Art sphere of concepts in works by the Russian writers]: mezhdunar. sb. nauch. statej. Magnitogorsk: MaGU, 2011. Vyp. III. Pp. 11–17.

8. Petrov A. V. *Mifopoliticheskieformuly v manifestahiodah 1741–1742 gg.* («mifologiyavlasti» v politicheskoy I literaturnoj kul'turah v Rossii XVIII veka) [Mitho-politic formulas in manifestos and odes of 1741-1742 («mythology of power» in political and literary cultures in Russia of the 18th century)] // *Problemyistorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2011. № 1. Pp.152–161.

9. Petrov A. V. *Ody «na Novyj god», ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie hudozhestvennogo istorizma v russko poezii XVIII veka* [Odes «for the New Year», or the Opening Time: formation of Artistic Historicism in Russian Poetry of the XVIII Century]. Magnitogorsk: MaGU, 2005. 272 p.

10. Petrov A. V. *Fenomenologiya «russkogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniyu russkoj poezii XVIII–XIX vekov* [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.

11. Petrov A. V., Abramzon T. E., Tsurkan V. V. *Analiz liricheskogo syuzheta na zanyatiyah po teorii i istorii literatury v vuze (na materialeody M. V. Lomonosova «Na novyj 1764 god»)* [The analysis of the lyrical plot on classes of the theory and history of literature in university (in accordance with the material of the ode of Mihail Lomonosov «On New Year 1764»)] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science & Education]. 2019. № 1. Pp. 161–179.

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. XI. 1740–1743. B. m.: Pechatano v tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva Kancelyarii, 1830. 990 p.

13. Puzankova S. N. *Zhanr nadpisi v tvorchestve M. V. Lomonosova: poetika ekfrasisa* [Inscription genre in M. V. Lomonosov's creativity: poetics of ekphrasis]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2013. 24 p.

14. Rudakova S. V., Regeci I. K. *voprosu izucheniya fenomena schast'ya* [On studying the phenomenon of Happiness] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

15. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. *Istoriya i vremya. V poiskah utrachennogo* [History and Time. In search of lost]. Moscow: Yazykirusskojkul'tury, 1997. 796 p.

16. Sazonova L. I. Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M. V. Lomonosova [From the Russian panegyric of the 17th century to the ode by M. V. Lomonosov] // Lomonosov i russkaya literature [Lomonosov and Russian literature]. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 103–125.

17. Samoldina S. R. O gosudarstvennom schast'e v odah «A La Fortune» Zh. B. Russo i «Na schast'e» M. V. Lomonosova [About the State Happiness in odes «A La Fortune» by J.-B. Rousseau and «For Happiness» of M. V. Lomonosov] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2014. № 10 (339). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 90. Pp. 116–118.

18. Chernov S. I. M. V. Lomonosov v odah 1762 g. [M. V. Lomonosov in odes of 1762] // XVIII vek [The 18th century]. Sb. statejmaterialov. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1935. Pp. 133–180.

19. Kutuzov M. The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures. Edmonton, Alberta, 2013. 295 p.

**ODIC TOPOI AND THEME OF “NEW HAPPINESS”
IN THE ODE OF M. V. LOMONOSOV “FOR NEW 1762”**

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Angelika Molnar

Associate Professor, Ph. d, Dr. habil,
University of Debrecen
(Debrecen, Hungary)

Abstract

In the article topoi of the ode of M.V. Lomonosov "on accession to the throne of the emperor PyotrFeodorovich and for New 1762" is analyzed. It is specified that accidental coincidence in time of an event of the nation-wide importance – changes of the power at the end of 1761 – and the event belonging to the sphere natural and existential– changes of years, first, gave to development of the Russian solemn ode a new impulse; secondly, served further development of odic mythology and "personal mythology" of Peter III; and it, thirdly, allowed to broadcast created "myths" in public consciousness. Connection in the ode of two subjects

А. В. Петров, А. Молнар

updated the most ancient myth about the dying and reviving god. Topos of "new happiness" came from New Year poetry which existed in Russia about 50 years to a genre of the ode. In language of odic allegories it meant that happiness brought by Time is "distributed" in society by the Monarch. The theme of the New Year involved also motive, habitual for eonic poetry, of "summing up the left year". In the ode it united with habitual for this genre topos "historical succession": reign of the ruling monarch is represented as result of glorious and wise policy of the previous monarchs – Rurik dynasty, but especially Romanov to whom God patronizes. In solemn odes of the 1740th Lomonosov developed forms of the image of the future, first of all in shape a topos of "Golden Age". New Year wishful thinking organically incorporated the corresponding motives in turn making "action program" for the new monarch. Also successfully assimilated in the ode such eonictopos as "a New Year's prayer". It included odic topoi of "Divine protection to a dynasty of Romanov" and "the righteous, Chosen autocratic power".

Keywords: M. V. Lomonosov, theme of Happiness, genre of the solemn ode, odic topoi, New Year (eonic) poetry, mitho-poetics, mitho-politics

Для цитирования: Петров А. В., Молнар А. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М. В. Ломоносова «на новый 1762 год» // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 76–92.

Поступила 25.09.2020